

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ/CRIMINAL LAW SCIENCES

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2026.169.84> EDN: DAFBXJ

ТЕОРИЯ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ: СУДЕБНОЕ СЛЕДСТВИЕ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Научная статья

Бобылёв Д.Д.^{1,*}, Новикова Л.В.²^{1,2} Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (daniil.bobylyow[at]yandex.ru)

Предложена: 02.06.2026; Принята: 23.06.2026; Опубликовано: 17.07.2026

Аннотация

Ключевой стадией правоприменительной деятельности в настоящем исследовании признается судебное следствие. Именно на данном этапе осуществляется непосредственная проверка доказательственного материала и выяснение фактических обстоятельств дела. Роль судебного следствия интерпретируется автором в контексте общей доктрины правоприменения: оно выступает процессуальным инструментом, служащим реализации первоначальной и наиболее значимой фазы правоприменения — этапа установления фактов. Поэтапно излагаются фундаментальные начала и принципы судебного следствия, к числу которых отнесены принципы непосредственности восприятия, устности процесса, состязательности сторон и полноты исследования доказательств. Обозначены основные тенденции и проблемы производства судебного следствия на современном этапе, а также предложены пути их решения.

Ключевые слова: правоприменение, судебное следствие, принципы, суд, судебное разбирательство, усмотрение судьи, доказательства, уголовное судопроизводство.

THE THEORY OF LAW ENFORCEMENT: JUDICIAL INVESTIGATION IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Research article

Bobylyov D.D.^{1,*}, Novikova L.V.²^{1,2} Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russian Federation

* Corresponding author (daniil.bobylyow[at]yandex.ru)

Suggested: 02.06.2026; Accepted: 23.06.2026; Published: 17.07.2026

Abstract

Judicial investigation is recognized as a key stage of law enforcement activity in this study. It is at this stage that the direct verification of the evidentiary material and clarification of the actual circumstances of the case are carried out. The role of judicial investigation is interpreted by the author in the context of the general doctrine of law enforcement: It acts as a procedural tool that serves to implement the initial and most significant phase of law enforcement — the fact-finding stage. The fundamental principles and principles of judicial investigation are set out step by step, including the principles of immediacy of perception, verbatim of the process, the adversarial nature of the parties and the completeness of the examination of evidence. The main trends and problems of judicial investigation at the present stage are outlined, as well as ways to solve them are proposed.

Keywords: law enforcement, judicial investigation, principles, court, judicial proceedings, discretion of the judge, evidence, criminal proceedings.

Введение

Правоприменение представляет собой научно-практическую задачу, значимость которой с каждым годом существенно возрастает. Актуализируется указанная значимость на фоне общественно-политических и экономических трудностей, возникающих в отношении Российской Федерации и её граждан в текущий период на фоне санкционного давления. Поскольку эволюция нормативной базы, а также возникновение новых целей в сфере формирования государственных и правовых институтов обуславливает усиление интереса к данной проблематике, исследование приобретает особую актуальность.

Правоприменительная деятельность в рамках юридической доктрины трактуется как специфическая форма реализации правовых предписаний [10], [11]. Приемлемый уровень социального бытия напрямую связывается с эффективностью функционирования данного механизма. Характер общественных отношений обуславливается степенью квалификации, демонстрируемой уполномоченными субъектами при исполнении правоприменительных функций. Качество реализации указанных функций детерминирует как уровень материального благосостояния, так и параметры безопасности, обеспечиваемой гражданам и социальным институтам. Перед государством актуализируется задача, ориентированная на всестороннее совершенствование качества правоприменительной деятельности.

Воплощение нормативных установлений осуществляется в рамках правоприменения специально уполномоченными органами публичной власти. Среди всей совокупности этапов, образующих процедуру правоприменения, ключевое положение отводится судебному следствию. Данная стадия выступает ядром судебного процесса; в её пределах осуществляется изучение доказательственной базы и выяснение реальных обстоятельств, имеющих значение для дела. Именно на стадии судебного следствия происходит наполнение общих юридических

норм конкретным содержанием, а жизненные перспективы отдельной личности получают оценку сквозь призму действующего законодательства.

Обсуждение

В доктрине правоприменения выделяется следующая последовательность стадий: установление фактических обстоятельств дела, установление подлежащей применению правовой нормы с ее последующей интерпретацией, вынесение решения, оформляемого правоприменительным актом. Поскольку судебное следствие представляет собой процессуальную форму реализации первого, наиболее значимого этапа, оно органично встраивается в означенную последовательность.

Говоря об уголовном судопроизводстве, хотелось бы отметить, что верная юридическая квалификация уголовно наказуемого деяния и постановление законного и обоснованного приговора становятся затруднительными при отсутствии всестороннего и объективного исследования доказательств; в силу указанного обстоятельства судебное следствие выступает фундаментом любого акта правоприменения.

Легальное толкование термина «судебное следствие» осуществляется на основании совокупности дефиниций, содержащихся в п.п. 50, 51 ст. 5 УПК РФ [2], и позволяет детерминировать его как этап судебного разбирательства, представляющий собой исследовательскую часть процессуальной формы осуществления правосудия.

Л.В. Головки акцентирует внимание на том факте, что «данный этап является единственной частью судебного разбирательства, где осуществляется деятельность по установлению обстоятельств уголовного дела путем доказывания, что позволяет определить его в качестве центрального» [9]. Это дает основание для утверждения, что помимо общих задач уголовного судопроизводства, обозначенных в ст. 6 УПК РФ, в ходе судебного следствия решается более универсальная задача — разрешение по существу правового спора сторон. При этом на первый план выходят два принципиальных вопроса: в рамках какой модели судопроизводства решается обозначенная задача, а также — в чем состоит сущность познавательной природы соответствующей деятельности суда и сторон.

Судебное следствие в юридической науке определяется как этап судебного процесса; на данном этапе, при взаимодействии с участниками разбирательства, судом изучаются представленные по делу доказательства с целью выяснения всех обстоятельств произошедшего. Из приведенной дефиниции выделяются два ключевых элемента: деятельное участие суда и принцип состязательности сторон. Тесная взаимозависимость указанных элементов обусловлена тем, что реализация задач правосудия становится возможной исключительно при гармоничном сочетании процессуальной активности судьи и законных возможностей сторон.

Судебное следствие основано на системе фундаментальных начал и принципов, репрезентирующих доктринальные установки правоприменения. Поскольку принцип непосредственности обязывает суд к самостоятельному восприятию доказательственного материала, исключается опора на опосредованные данные; достоверность формируемой доказательственной базы достигается именно таким образом. Устойчивость предполагает исследование доказательств в ходе открытых заседаний посредством вербальных выступлений, чем обеспечивается транспарентность и доступность судопроизводства для граждан. Состязательностью предусматривается равноправное представление аргументов стороной обвинения и стороной защиты при выполнении судом функций арбитра, оценивающего позиции участников процесса.

Помимо изложенного, существенным признается принцип всестороннего и беспристрастного исследования обстоятельств дела. Поскольку данным принципом предписывается обязательная оценка судом доказательств, свидетельствующих как в пользу обвинения, так и в пользу защиты, априорное предпочтение какой-либо из процессуальных сторон не допускается. Выводится данное положение из общеправового принципа верховенства закона и конституционной по своему значению презумпции невиновности, реализуемой в уголовном судопроизводстве.

Изучение доказательственной базы занимает центральное место в структуре судебного следствия. Порядок ее исследования устанавливается судом, причем мнения участников процесса учитываются в обязательном порядке. Заседание предполагает последовательное заслушивание подсудимого, потерпевшего и свидетелей; анализируются документы, производится осмотр вещественных доказательств и оглашаются заключения экспертов. Каждое из указанных действий представляет собой самостоятельный процессуальный акт: судом проверяется законность представления конкретного доказательства, определяется его относимость к делу и, посредством сопоставления с иными сведениями, восстанавливается полная картина произошедшего.

Полнота и тщательность исследования материалов дела, представленных сторонами обвинения и защиты в рамках судебного разбирательства, детерминируют качество последующих процессуальных стадий — прений сторон и постановления приговора. Законность и мотивированность итогового судебного акта находятся в прямой корреляции с добросовестностью и всесторонностью проведенного судебного следствия.

Вынесением судом определения оформляется завершение этапа судебного разбирательства, именуемого судебным следствием. С момента принятия означенного акта участниками процесса утрачивается возможность заявлять ходатайства, направленные на исследование дополнительных материалов в рамках данной стадии. Указанное положение наделяет результаты следственных действий свойством процессуальной окончательности.

Поскольку теория доказывания является фундаментом судебного разбирательства, центральное место отводится ей именно в следственной части процесса. Интерпретируемая как один из наиболее сложных разделов общей теории реализации правовых норм, данная теория определяет доказывание как законодательно регламентированную процедуру. В содержание последней включены сбор, проверка и анализ доказательственной базы. Целью означенной процедуры выступает выяснение всех фактов и данных, необходимых для принятия законного и обоснованного решения по делу. В деятельности по доказыванию сочетаются две сущности: познавательная и правовая. Судебный

орган, с одной стороны, стремится к получению достоверного знания о произошедшем событии, с другой — его действия жестко ограничены процессуальными рамками, предписанными нормами закона.

Центральное положение в структуре доказывания отведено процедуре оценки собранных доказательств. Реализуется данная процедура судьей; основанием для нее служит внутреннее убеждение, формируемое в ходе анализа всей совокупности материалов, представленных по делу, причем ни одно из доказательств не наделено приоритетной юридической силой, поскольку исследование каждого производится судом в соотношении с иными элементами доказательственной базы. Указанный принцип, будучи закрепленным в нормах процессуального права, находит воплощение в философской концепции, отрицающей за правоприменителем статус механического исполнителя заранее заданных алгоритмов. Деятельность последнего интерпретируется как активная, творческая и осмысленная интеллектуальная работа, сопряженная с актом волевого выбора.

Статьей 17 УПК РФ закреплен принцип свободной оценки доказательств, причем данная оценка детерминирована исключительно внутренним убеждением судьи. Однако, законодательная регламентация конкретных механизмов формирования этого убеждения отсутствует; вследствие чего создаются предпосылки для субъективного и произвольного толкования материалов уголовного дела. Анализ правоприменительной практики демонстрирует: при тождественности фактических обстоятельств судами нередко выносятся прямо противоположные по содержанию решения. Мотивировочная часть приговора в таких случаях ограничивается лишь перечислением доказательств, без развернутого обоснования причин, по которым одни из них признаются достоверными, а другие — отвергаются. Наиболее рельефно данная коллизия проявляется в контексте действия презумпции невиновности. Формализованные критерии достаточности доказательственной базы для признания лица виновным отсутствуют, что повышает риск вынесения обвинительного приговора при неполноте вещественных доказательств, вступая в противоречие с конституционными гарантиями прав личности. Отрицательным фактором является обвинительный уклон в деятельности судов общей юрисдикции, при котором доказательствам стороны обвинения и материалам оперативно-розыскной деятельности априори придается большая убедительность по сравнению с аргументацией защиты.

В уголовно-процессуальном законе подлежат установлению критерии, на основании которых совокупность косвенных доказательств интерпретируется как достаточная для вынесения обвинительного приговора; стандарт «за пределами обоснованных сомнений» выступает при этом базовым ориентиром. Требования к мотивировочной части приговора необходимо, на наш взгляд, ужесточить: суду должна быть вменена в обязанность детальное изложение причин, по которым одни фактические обстоятельства признаны достоверными, а иные отвергнуты; экспликации подлежит также порядок устранения неопределенностей, возникавших в ходе проверки доказательственной базы. Унификация правовых позиций, содержащихся в актах Верховного Суда Российской Федерации применительно к отдельным категориям уголовных дел, выступает существенным фактором снижения вариативности судебной практики — единообразные ориентиры для нижестоящих инстанций способны минимизировать разночтения при вынесении приговоров.

В теоретическом осмыслении и практической реализации судебного следствия фиксируется наличие ряда проблемных аспектов, причем к числу наиболее значимых относится проблема определения правомерности доказательств, полученных с применением инновационных технических средств. Речь идет о сведениях из систем геопозиционирования, содержании диалогов в интернет-мессенджерах, записях камер наружного наблюдения.

В современности мы уже и не можем представить себе отсутствие возможности использования в доказывании средств фотофиксации. Справедливо в этой связи отмечает А. М. Баранов: «Точно так же для правосознания наших внуков будет естественным использование доказательств, полученных с электронных носителей информации, а все наши сомнения в этом будут вызывать, как минимум, недоумение» [7]. Однако стремительный прогресс позволили данным предсказаниям сбыться на поколение вперед.

Федеральным законом от 23 июня 2016 г. № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронной документации в деятельности органов судебной власти» [3] в Уголовно-процессуальный кодекс РФ внесены существенные изменения и включены такие понятия как «электронные документы», «использование электронных документов».

Кроме того, в УПК РФ введена статья 474.1 «Порядок использования электронных документов в уголовном судопроизводстве», в которой указано на электронный документооборот с соответствующими цифровыми подписями, а также возможность использования информационно-телекоммуникационной сети Интернет копий судебного решения [2].

Ситуация правовой неопределенности констатируется в условиях, когда скорость развития нормативной базы отстаёт от темпов внедрения новых технологических решений. Подобное запаздывание в правовом регулировании создает проблему неясности при квалификации правоотношений и применении правовых норм. Законные интересы субъектов, вовлечённых в данные правоотношения, могут претерпевать негативное воздействие.

На практике проблема определения сущности электронных доказательств наиболее ярко проявляется в судебной деятельности. Верховный Суд РФ неоднократно давал оценку различным видам цифровой информации, что подтверждает необходимость разработки нормативных подходов. Так, в кассационном определении от 5 ноября 2024г. суд указал, что «скриншоты переписки, содержащие дефекты изображения, не могут быть признаны соответствующими требованиям вещественных доказательств» [4]. Суд особо отметил, что такие материалы не обеспечивают подтверждаемость изменений и не обладают достаточными гарантиями подлинности [14]. Подобная позиция демонстрирует, что суды осознают специфику цифровых данных, в отношении которых важнейшим критерием является возможность удостоверить неизменность их содержания.

Другое значимое решение — кассационное определение от 22 декабря 2022г., где Верховный Суд отклонил доводы защиты о недопустимости видеозаписи на том основании, что «на диске оказалось больше файлов, чем указано в протоколе» [5]. Суд обоснованно указал, что содержание доказательства позволяет установить обстоятельства дела, а

несоответствия формального характера не повлияли на достоверность информации. Это решение отражает практический подход: суды концентрируются на доказательственной значимости данных, а не на строго формальных несоответствиях, если они не повлечены нарушением процессуального порядка [15].

Вопрос правомерности использования цифровых доказательств обусловлен необходимостью нормативного закрепления параметров их приемлемости. Установление регламентов сбора, фиксации и проверки достоверности сведений о геолокации, содержания переписок и видеозаписей признается обязательным. Формирование унифицированных процессуальных норм, предписывающих обвинительной стороне доказывание подлинности электронных улик с привлечением экспертов в сфере информационных технологий, представляется рациональным. Наряду с этим должно осуществляться планомерное обучение судейского корпуса основам компьютерной криминалистики. Благодаря данному обучению становится возможным квалифицированный и автономный анализ предъявленных материалов судьями.

Наблюдается тенденция к расширению границ применения упрощенного порядка судопроизводства, при котором классическая стадия судебного следствия не реализуется. Данный факт выступает предметом дискуссии в научной среде. Сторонники указанного регламента указывают на достигаемую процессуальную экономию. Критики, напротив, настаивают на том, что отказ от полноценного исследования доказательств вступает в противоречие с задачами правосудия и концепцией объективной истины [13]. В рамках данной полемики выявляется глубинный конфликт: оперативность правоприменения противопоставляется принципу соразмерности.

Как отмечает Е.С. Бродовская: «Детерминантами возникновения и последующей эволюции упрощенных механизмов в отечественном судопроизводстве выступают необходимость снижения нагрузки на суды общей юрисдикции и достижение экономии процессуальных ресурсов. Названные процессуальные формы, помимо прочего, направлены на обеспечение реализации права граждан на доступное, беспристрастное и оперативное правосудие» [8].

Правосудие, выступая базовым элементом правового государства, детерминирует вектор функционирования судебной системы в процессе применения норм права. Исключительно судом, как определено в ст. 118 Конституции РФ [1], осуществляется отправление правосудия. Данное правило трактуется юридическим сообществом как неотъемлемый атрибут права.

Вопрос о расширении сферы применения упрощенной процедуры судопроизводства урегулирован быть может посредством внедрения дополнительных механизмов защиты. Данными механизмами исключаться должна возможность использования означенной процедуры в случаях, сопряженных с преступлениями, относимыми к категории тяжких и особо тяжких, а равно при наличии неустранимых противоречий в совокупности собранных доказательств. На законодательном уровне подлежит закреплению полномочие судебного органа на отступление от рамок данной процедуры с последующей инициацией развёрнутого судебного разбирательства. Основанием для реализации такого полномочия выступают обоснованные сомнения в подлинности признания подсудимым своей вины. Таким образом, будет обеспечено соблюдение баланса между процессуальной эффективностью и реализацией принципа объективного установления всех обстоятельств дела.

Также хотелось бы отметить воздействие, оказываемое инкорпорацией цифровых технологий в судебную деятельность на природу судебного разбирательства. Устоявшиеся представления об устной форме и непосредственном восприятии информации как фундаментальных принципах данной стадии процесса подвергаются трансформации. Системы видеоконференц-связи, переход к электронному документообороту, а равно применение алгоритмов искусственного интеллекта для оценки доказательственной базы — означенные нововведения изменяют данные воззрения.

Анализ зарубежного правотворчества демонстрирует наличие у ряда государств существенных достижений в нормативном регулировании цифровых доказательств. Так, в США разработан и внедрен в правоприменительную практику регламент судебно-экспертного исследования электронных доказательств, используемый судебными органами и сотрудниками правоохранительных структур [6]. Законодательство Великобритании и Финляндии прямо признает информацию в цифровой форме судебным доказательством, не требуя ее обязательной квалификации в качестве вещественного доказательства или документа. Общим свойством рассматриваемых правовых актов является их адаптивность и отсутствие закрытого перечня доказательственных средств; данное обстоятельство позволяет правовым нормам своевременно реагировать на технологические изменения.

Российское уголовное судопроизводство, напротив, продолжает основываться на устаревшей концепции, предполагающей исчерпывающий перечень видов доказательств, что формирует препятствия для надлежащего использования цифровых данных.

В Российской Федерации наблюдается формирование комплексной правовой базы для вовлечения электронной информации в уголовный процесс. Данная база, однако, характеризуется незавершенностью. Отдельные законодательные акты регламентируют частные процессуальные процедуры (изъятие, создание копий, представление в цифровом формате), при этом отсутствует базовое понятие и целостная методология. В условиях цифровизации данное положение дел приобретает все более актуальный характер.

Процессы цифровой трансформации, оказывая воздействие на сущность судебного разбирательства, детерминируют необходимость оперативного законодательного урегулирования. В действующей редакции УПК РФ комплексные предписания, учитывающие современный уровень технологического развития, отсутствуют. Первоочередной мерой считаем необходимость внесения изменений в ст. 240 УПК РФ, закрепляющей начала непосредственности и устности. В данную статью надлежит включить указание: использование электронных средств в рамках судебного следствия правомерно исключительно при условии полного соблюдения гарантий личного ознакомления суда с доказательственным материалом и обеспечения паритета процессуальных возможностей всех участников.

Представляется обоснованным включение в ст. 5 УПК РФ дефиниции цифровых (электронных) доказательств; разработка регламента специализированных процессуальных действий («изъятие электронного носителя», «снятие копии с цифровой информации», «осмотр портативного устройства»); утверждение единых требований к процедуре фиксации и верификации достоверности цифровых материалов.

В ст. 278.1 УПК РФ должен быть включен исчерпывающий перечень обстоятельств, допускающих применение систем видеоконференцсвязи при допросе свидетелей и потерпевших. Одновременно с данным дополнением требуется установить прямой законодательный запрет на использование названной технологии при возникновении сомнений в достоверности получаемых показаний, а также в случаях, когда необходимо обеспечить личное присутствие допрашиваемого в зале судебного заседания. Посредством такой правовой конструкции разграничиваются ситуации, где удаленное взаимодействие обусловлено объективными причинами, и случаи, в которых его применение способно воспрепятствовать полноте судебного разбирательства.

Обоснованным признается дополнение ст. 474.1 УПК РФ императивными нормами, регламентирующими техническую защиту электронных процессуальных материалов от неавторизованного редактирования, и разработка процедуры верификации их подлинности посредством усиленной квалифицированной электронной подписи в условиях цифрового документооборота. Порядок хранения и передачи в судебные инстанции цифровых доказательств (электронные письма, метаданные, геолокационные данные) подлежит регламентации на законодательном уровне. На следственные подразделения возлагается обязанность по документированию полного цикла сбора и передачи указанных сведений. Предотвращение в будущем претензий, касающихся достоверности означенных доказательств, является целью данных мер.

Реализация указанных мер позволит достичь баланса между эффективностью уголовного преследования и защитой конституционных прав граждан.

В целях системного внедрения предлагаемых изменений является необходимость разработки и утверждения — либо отдельного законодательного акта, регламентирующего порядок электронного правосудия, либо включения в УПК РФ самостоятельного раздела, призванного установить специфику применения цифровых инструментов на каждом этапе производства по уголовным делам. Посредством совокупности данных действий обеспечивается сохранение основополагающих начал судебного разбирательства в условиях цифровой модернизации системы правосудия; достигается равновесие между оперативностью процессуальных действий и достаточным уровнем защиты прав лиц, вовлечённых в судебный процесс.

Заключение

Подводя итог, отметим, что в рамках доктрины реализации права ключевым этапом признается судебное следствие, поскольку именно на данной стадии абстрактная юридическая норма соприкасается с конкретными обстоятельствами дела, обретая тем самым практическое содержание. Качество отправления правосудия находится в прямой зависимости от степени тщательности проведения судебного следствия; поверхностное исследование обстоятельств, нарушение принципа состязательности сторон или необоснованное отклонение отдельных доказательств повышают вероятность судебной ошибки, последствия которой для гражданина зачастую не подлежат исправлению.

Сохранение за развитием доктринальных и прикладных аспектов судебного следствия статуса одной из приоритетных задач юридической науки обусловлено указанным обстоятельством. Глубокое осмысление его сущности и процедурных особенностей интерпретируется как необходимый элемент профессиональной компетенции любого субъекта правоприменения.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020. — URL: <https://h1.nu/Constitution01072020> (дата обращения: 17.07.2026).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ : принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2001. — № 52, ч. 1. — Ст. 4921.
3. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронной документации в деятельности органов судебной власти: Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 220-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2016. — № 26 (ч. I), ст. 3889.
4. Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 05.11.2024 по делу № 225-УД24-23-А6. — URL: <https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoy-kollegii-po-dela-voennosluzhashchikh-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-05112024-po-delu-n-225-ud24-23-a6/> (дата обращения: 10.06.2026).

5. Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2022 № 222-УД22-69-А6. — URL: <https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-delam-voennosluzhashchikh-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-22122022-n-222-ud22-69-a6/> (дата обращения: 10.06.2026).

6. Андреева Ю. И. Электронные доказательства в уголовном процессе / Ю.И. Андреева // Закон и право. — 2025. — №8. — С. 147–152.

7. Баранов А. М. Обеспечение законности в досудебном производстве по уголовным делам / А. М. Баранов. — Омск: Омская акад. МВД России, 2006. — 125 с.

8. Бродовская Е. С. Основания и условия применения упрощенного судопроизводства судами общей юрисдикции / Е. С. Бродовская // Студенческий сборник научных статей по итогам проведения месяца науки, посвященном 10-летию воссоединения Крыма с Российской Федерацией : Сборник научных статей. — Симферополь, 2024. — 211 с.

9. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. — Москва : Статут, 2016. — 761 с.

10. Марина И. Н. Средства повышения эффективности применения норм права : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Марина Ирина Николаевна. — Москва, 2009. — 163 с.

11. Паламарчук В. М. Правоприменение в правовом государстве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Паламарчук Валерий Михайлович. — Москва, 2011. — 179 с.

12. Развейкина Н. А. Проблемы применения особого порядка судебного разбирательства по уголовным делам / Н. А. Развейкина, Е. А. Дьячкова // Юридический вестник Самарского университета. — 2019. — №3. — С. 114–119.

13. Сергеева А. В. Особый порядок судебного разбирательства через призму назначения уголовного судопроизводства / А. В. Сергеева // Молодой ученый. — 2020. — №18 (308). — С. 322–325.

14. Сергеев А. Б. Следственные действия и типичные ошибки при обнаружении и изъятии доказательств преступных действий в сфере компьютерной информации / А. Б. Сергеев // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. — 2022. — №3 (50). — С. 25–33.

15. Сергеев А. Б. Перспективы противодействия преступности в экономической сфере цифрового пространства с учетом реализации положений федерального закона о цифровых финансовых активах, цифровой валюте (№ 259-ФЗ от 31.07.2020 г.) / А. Б. Сергеев // Правопорядок: история, теория, практика. — 2022. — №2 (33). — С. 99–105.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii [The Constitution of the Russian Federation] : adopted by popular vote on 12.12.1993, with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020. — URL: <https://h1.nu/Constitution01072020> (accessed: 17.07.2026). [in Russian]

2. Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii [The Criminal Procedure Code of the Russian Federation] : feder. law of 18 Dec. 2001 No. 174-FZ : adopted by the State Duma on November 22, 2001 // Sobraniye zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii [Collection of Legislation of the Russian Federation]. — 2001. — № 52, part 1. — Art. 4921. [in Russian]

3. O vnesenii izmenenij v otдел'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii v chasti primeneniya elektronnoj dokumentacii v deyatelnosti organov sudebnoj vlasti [On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation Regarding the Use of Electronic Documentation in the Activities of Judicial Authorities]: Federal Law No. 220-FZ of June 23, 2016 // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 2016. — No. 26 (Part I), Article 3889. [in Russian]

4. Kassatsionnoye opredeleniye Sudebnoy kollegii po delam voyennosluzhashchikh Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 05.11.2024 po delu № 225-UD24-23-A6 [Cassation Decision of the Military Court of the Supreme Court of the Russian Federation dated 05.11.2024 in Case No. 225-UD24-23-A6]. — URL: <https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-delam-voennosluzhashchikh-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-05112024-po-delu-n-225-ud24-23-a6/> (accessed: 10.06.2026). [in Russian]

5. Kassatsionnoye opredeleniye Sudebnoy kollegii po delam voyennosluzhashchikh Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 22.12.2022 № 222-UD22-69-A6 [Cassation Decision of the Judicial Board for Military Personnel of the Supreme Court of the Russian Federation dated 22.12.2022 No. 222-UD22-69-A6]. — URL: <https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-delam-voennosluzhashchikh-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-22122022-n-222-ud22-69-a6/> (accessed: 10.06.2026). [in Russian]

6. Andreeva Yu. I. Elektronnye dokazatel'stva v ugolovnom processe [Electronic Evidence in Criminal Proceedings] / Yu. I. Andreeva // Zakon i pravo [Law and Justice]. — 2025. — № 8. — P. 147–152. [in Russian]

7. Baranov A. M. Obespechenie zakonnosti v dosudebnom proizvodstve po ugolovnym delam [Ensuring the Rule of Law in Pre-Trial Proceedings in Criminal Cases] / A. M. Baranov. — Омск: Омская Академия Министерства внутренних дел России, 2006. — 125 p. [in Russian]

8. Brodovskaya, E. S. Osnovaniya i usloviya primeneniya uproshchennogo sudoproizvodstva sudami obshchej yurisdikcii [The grounds and conditions for the application of simplified legal proceedings by courts of general jurisdiction] / E. S. Brodovskaya // Studencheskij sbornik nauchnykh statej po itogam provedeniya mesyaca nauki, posvyashchennom 10-tiletiyu vossоединeniya Kryma s Rossijskoj Federaciej : Sbornik nauchnykh statej [Student collection of scientific articles based on the results of the month of science dedicated to the 10th anniversary of the reunification of Crimea with the Russian Federation : Collection of scientific articles]. — Simferopol, 2024. — 211 p. [in Russian]

9. Kurs ugolovnogo protsesssa [Course of Criminal Procedure] / ed. by L.V. Golovko. — Moscow : Statut, 2016. — 761 p. [in Russian]

10. Marina I. N. Sredstva povysheniya effektivnosti primeneniya norm prava [Means of increasing the effectiveness of the application of legal norms] : diss. ... PhD in Legal Sciences : 12.00.01 / Marina Irina Nikolaevna. — Moscow, 2009. — 163 p. [in Russian]
11. Palamarchuk V. M. Pravoprimeneniye v pravovom gosudarstve [Law Enforcement in a Legal State] : diss. ... PhD in Legal Sciences : 12.00.01 / Valery Mikhailovich Palamarchuk. — Moscow, 2011. — 179 p. [in Russian]
12. Razveikina N. A. Problemy primeneniya osobogo poryadka sudebnogo razbiratel'stva po ugolovnym delam [Problems of Applying a Special Procedure for Criminal Trials] / N. A. Razveikina, E. A. Dyachkova // Yuridicheskij vestnik Samarskogo universiteta [Legal Bulletin of Samara University]. — 2019. — № 3. — P. 114–119. [in Russian]
13. Sergeeva A. V. Osobyj poryadok sudebnogo razbiratel'stva cherez prizmu naznacheniya ugolovnogo sudoproizvodstva [Special Procedure for Trial through the Prism of the Purpose of Criminal Proceedings] / A. V. Sergeeva // Molodoj uchenyj [Young Scientist]. — 2020. — № 18 (308). — P. 322–325. [in Russian]
14. Sergeev A. B. Sledstvennye dejstviya i tipichnye oshibki pri obnaruzhenii i iz'yatii dokazatel'stv prestupnyh dejstvij v sfere komp'yuternoj informacii [Investigative Actions and Typical Mistakes in Detecting and Seizing Evidence of Criminal Actions in the Field of Computer Information] / A. B. Sergeev // Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki [Vector of Science of Togliatti State University. Series: Legal Sciences]. — 2022. — № 3 (50). — P. 25–33. [in Russian]
15. Sergeev A. B. Perspektivy protivodejstviya prestupnosti v ekonomicheskoy sfere cifrovogo prostranstva s uchedom realizacii polozhenij federal'nogo zakona o cifrovyyh finansovyh aktivah, cifrovoj valyute (№ 259-FZ ot 31.07.2020 g.) [Prospects for Countering Economic Crime in the Digital Space, Taking into Account the Implementation of the Federal Law on Digital Financial Assets and Digital Currency (No. 259-FZ of July 31, 2020)] / A. B. Sergeev // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika [Law and Order: History, Theory, and Practice]. — 2022. — № 2 (33). — P. 99–105. [in Russian]